МУРЗИЛКА

№-8

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

АВГУСТ 1949

1
Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР имени В. И. ЛЕНИНА

В. ОСЕЕВА *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина

ВИШЕНКА

Осенью на школьном дворе мальчики решили насадить молодой сад. Расчищали площадку, сгребали мусор. Вдруг в углу двора Юра заметил маленькое деревцо на толстой ножке. На нём висела дощечка. На дощечке было написано крупными детскими буквами: «Вишенка».

Ребята удивлённо смотрели друг на друга.

— Кто это посадил?

— Когда?

— Вот чудо!

— Я чуть было не содрал её граблями! — испуганно говорил Юра.

— Но кто же её посадил?

— Бежим к Анне Ивановне!

Но Анна Ивановна ничего не знала о маленькой вишне.

Вокруг деревца собралась целая толпа. На него приходили смотреть учителя, вожатые и директор. Смеялись, разводили руками и спрашивали друг друга:

— Но откуда же она появилась? Кто разрыхлил землю и выкопал ямку?

* * *

Вишенка стояла, как именинница, — к ней то и дело прибегали ребята, каждый старался что-нибудь сделать для неё. Один принёс тоненькие дощечки и огородил деревцо, чтобы кто-нибудь нечаянно не затоптал его, другой крепче привязал дощечку, чтоб её не сорвало ветром.

— А вдруг это не вишня? — сомневались ребята.

— Раз написано — значит, так и есть! — гордясь своей находкой, доказывал Юра. — Зачем бы этому садоводу обманывать?

— Да не обманывать, а просто писал какой-то дошколёнок. Сразу видно... Буквы кривые, — хмурился Витя.

— А откуда он взялся? — серьёзно спрашивали ребята.

— Не знаю.

— Не я буду, если не открою этой тайны! — говорил Юра.

— Да когда же ты её откроешь? — смеялись над ним ребята.

Дни шли. Молодой сад был посажен. Ребята каждый день бегали смотреть на свои деревца. Вишня уже не привлекала особого внимания. Один Юра не мог успокоиться. Он бегал по младшим классам:

— Эй, новички-первачки, смирно! Отвечайте на мой вопрос: кто из вас посадил маленькую вишню?

Новички переглядывались, улыбались и честно отвечали:

— Никто.

Юра подсаживался к школьному сторожу.

— Вы сторож?

— Сторож.

— У вас могут что-нибудь украсть?

— Ни в какой мере!

Старик свёртывал папироску и с усмешкой разглядывал школьника.

— Ладно. А чужие залезать в наш сад могут? — не унимался Юра.

— Ни в какой мере. Чужой сюда никак не залезет!

— Хорошо! — Юра вскакивал и мрачно глядел на старика. — А кто же, по-вашему, посадил маленькую вишню?

— Ну, это уж ваше дело! Я в это не вмешиваюсь. Кто сажал, тот знает.

Вечерами Юра приходил в сад и, прислушиваясь, ждал, не появится ли откуда-нибудь настоящий хозяин вишенки.

* * *

Осенние ветры сорвали с клёнов последние листья, косой дождь мелкими каплями бился в окна школы, голые деревца молодого сада, туго привязанные к колышкам, стояли мокрые и озябшие. Вишня крепко сидела в земле на своей толстой короткой ножке, — она не боялась резкого ветра, потому что была очень маленькой.

С первым снегом ребята закутали свои деревца соломой, вишню тоже покрыли соломенным колпаком. Снег засыпал весь сад, и на том месте, где были посажены деревца, виднелись белые холмики. Прибитое на столбе объявление останавливало неосторожных:

«ЗДЕСЬ САД.

Запрещается ездить на коньках, на санках, на лыжах».

Ребята учились. Они прибегали в школу озабоченные, красные от мороза; в раздевалке, сбрасывая пальто, говорили об уроках, о контрольных работах, о кружках. А в свободное время ходили на лыжах в лес, бегали на каток, строили снежные горы и катались на санках.

Дни бежали, опережая друг друга, месяцы догоняли месяцы и, чтобы не сбиться со счета, расписывались в зимнем календаре.

Вишня крепко спала под снегом. В сильные морозы Юра подходил к окну, протирал на стекле круглую дырочку и смотрел на засыпанный снегом школьный сад.

* * *

В одну апрельскую короткую ночь, вместе с весенними ливнями и тёплым ветром, неожиданно пришла весна. Горячие лучи солнца согрели землю. Закричали птицы... По школьному двору побежали быстрые ручьи... Ребята бросились в сад:

Голенькие деревца тянулись к солнцу. С каждым днём на их тонких ветках набухали почки.

Юра снова потерял покой.

— Ну кто тебя посадил? Кто? — спрашивал он вишенку.

— Брось, Юрка! — говорил ему Витя.— Тот, кто посадил, наверно, уехал, иначе он пришёл бы посмотреть, как она растёт.

Но никто не приходил. Школьный сторож как-то видел девочку из соседнего двора. Она прильнула щекой к школьному забору и заглядывала в сад. Но сторож не допускал посторонних:

— Иди, иди себе. Тут школа мальчиковая! Нечего тебе тут делать!

Девочка убежала. Но один раз она снова пришла, просунула между досками лицо и внимательно огляделась. Школьный сторож мирно дремал на крыльце, держа на коленях газету. День был выходной, и в школе было пусто и тихо. Девочка подтянулась на руках и села на забор. Цветная тюбетейка придерживала её светлые волосы. Склонив набок голову, она посмотрела на спящего сторожа. Ветер шевелил газетные листы, пели птицы, шумели клёны... Девочка спрыгнула в школьный сад и побежала по траве. Около молодых деревьев она остановилась, медленно прошла между их рядами, приглядываясь и рассматривая каждое деревцо. На лбу у неё появилась озабоченная морщинка. Вдруг девочка тихонько вскрикнула и бросилась к маленькой вишне. Вишня была похожа на свежий зелёный букет; её короткая ножка крепко упиралась в землю, ветки густо разрослись.

Девочка присела на корточки. Она трогала землю, улыбалась, разглядывала листочки. Потом вскочила, прислушалась, прыгнула в густую траву и, прячась за клёнами, побежала к забору. Но высокий мальчик бросился ей наперерез и загородил дорогу.

— Стой! Ты почему здесь? Что ты тут делала? — запыхавшись, спросил Юра.

Девочка прыгнула к забору, мелькнула цветная тюбетейка, и по ту сторону раздался смех.

— Эй-эй! Подожди! Девочка! Девочка!

Но девочки уже не было.

Юра пошёл в сад. Около вишни, в густой траве что-то желтело. Мальчик нагнулся и поднял старенькую жёлтую тапочку. Он засмеялся, сунул тапочку в карман и с торжеством сказал:

— Теперь я её найду!

* * *

В соседнем дворе Витя и Юра примеряли девочкам жёлтую стоптанную тапочку.

— Мы ищем Золушку, — смеясь, говорили они.

Девочки шалили и прятали за спинами свою подружку в цветной тюбетейке.

— Это не моя! — кричала девочка. — Это не моя! Я её не теряла!

— Это она! — шепнул товарищу Юра.

Витя повесил на забор жёлтую тапочку.

— Вот что я вам скажу, девочки: передайте этой самой Золушке, что она может всегда приходить к нам в сад и смотреть на свою вишенку.

Золушка в цветной тюбетейке вышла вперёд, сняла с забора свою тапочку и смущённо сказала:

— Эту вишенку привёз мне дядя. Но её негде было посадить в нашем дворе.

Ольга КАРЫШЕВА

ЯГНЯТА

На лугу трава примята,
Есть плешинки в клевере —
Это сделали ягнята:
Новый луг проверили.

Он просторный, он зелёный,
К лету принаряженный.
Нет нигде травинки сорной,
Кочки все разглажены.

Вот какой он, луг, богатый!
Он ягнятам нравится,
И поэтому ягнята
Хорошо поправятся.

Михаил ЛАПЫГИН

Рис. В. КОНОВАЛОВА

ВОДОВОЗ

У дороги полевой
От берёз прохлада.
Едет Костя за водой
Для своей бригады.

От колёс клубится пыль
Вихрем сероватым.
У бугра цветёт ковыль
Белый да чубатый.

Зацветает над горой
Белым платом гречка.
Улыбнулась синевой
Водовозу речка.

Костя едет через гать,
Проезжает в воду.
Точно в зеркале, видать
Костину подводу.

Наливает он ведром
Ловко и проворно,
Капли бьются серебром,
Серебром отборным.

Солнце по небу плывёт
Над родным колхозом.
Костя едет и поёт
Песню водовоза.

Стая сизых голубей
Над посёлком вьётся.
Повстречался дед Матвей
Едет и смеётся:

— Здравствуй, Костя Лебеда!
Как живёт бригада?
— Сверх отлично, как всегда.
— Говоришь, нужна вода?
— Надо! Как не надо!

Вяч. ЛЕБЕДЕВ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

МИЧУРИН И „КИТАЙКА"

Когда Мичурин был маленьким мальчиком, у его отца был сад. В саду росли разные деревья: груши, яблони, сливы и вишни. Но плоды на деревьях вызревали не очень вкусные, да и к тому же и невзрачные, мелкие.

Особенно мелкие яблочки родились на деревце, которое называлось «китайка». Были эти яблочки чуть побольше вишни, вот какие они были маленькие. Да и деревцо само тоже было небольшое, хотя и красивое: стройное, кудрявое.

Ваня Мичурин очень любил крохотные золотистые яблочки «китайки». Они были красивые, румяные. Играть в них было очень интересно: они и вместо солдатиков ему служили, и вместо мячиков годились, и для многих других игр.

Но он знал, что внутри яблочков есть зёрнышки, семена. Ваня разрезывал свои «мячики» перочинным ножом и доставал из них коричневые остренькие семечки. По совету отца он засыпал их песком и хранил до весны. А когда приходила тёплая, солнечная погода, Ваня сажал семечки в землю где-нибудь в укромном месте.

Многие семечки прорастали. Тоненькие зелёные всходы тянулись вверх, делались всё крепче, покрывались листочками.

Из них должны были вырасти деревца «китайки», но Ваня уехал из родной деревни сперва в город Пронск, потом в город Рязань, а потом совсем далеко от родных мест — в город Козлов.

Так ему и не удалось увидеть, какие деревья выросли из тех семечек, которые он посадил, когда ему было восемь лет.

Но он не забыл про свою любимую «китайку» и тогда, когда стал взрослым. Как только он завёл свой сад, он сейчас же посадил в нём несколько деревцов «китайки».

Деревца эти не боялись никаких холодов и морозов. Соседи и знакомые удивлялись:

— Зачем сажать в саду такие деревья? Ведь ты от них одну никудышную мелочь получишь, — говорили они молодому Мичурину. — Зачем они тебе?

Мичурин не любил хвалиться раньше времени.

— Поживём — увидим, — кратко отвечал он на вопросы и упрёки соседей.

А сам день за днём обдумывал, как добиться того, чтобы на выносливой, неприхотливой «китайке» стали родиться крупные сладкие яблоки.

И вот он придумал. Все вы знаете, вероятно, что у цветов имеется особая пыль-

ца. Если коснуться рукой серединки яблоневого цветка, на кончике пальца останется желтоватый или розовый налёт — цветочная пыльца. Пчёлы, которые летают по цветам, тоже всегда перепачкиваются в пыльце. А если потрясти цветок над бумагой, то и на бумагу посыплется эта легкая душистая пыль — пыльца.

Вот Мичурин и решил достать пыльцы от цветов хороших южных яблонь. Он написал письма крымским и кавказским садоводам и попросил прислать ему пыльцы с цветов тех яблонь, которые растут у них в садах.

Хоть и удивились садоводы необыкновенной просьбе, но всё-таки просьбу эту некоторые из них выполнили.

Из Крыма ему прислали пыльцу замечательного южного сорта «кандиля крымского», с Кавказа — пыльцу яблони «шафран».

Обрадовался Мичурин маленьким лёгким пакетикам, как самому дорогому подарку. А как раз деревца его садовой любимицы «китайки» цвели в это время.

Рано утром он вышел в свой садик и начал удивительную работу. Пробочкой, насаженной на кусок проволоки, он набирал из пакетов присланную пыльцу и переносил её на цветы «китайки».

А затем, чтобы пчёлы, шмели и бабочки не нанесли другой, ненужной пыльцы, Мичурин обвязал цветы «китайки» прозрачными марлевыми мешочками, наподобие чехлов. Сквозь марлю пчеле и шмелю не пробраться, не пробраться и червякам разным вредным, а солнце и воздух проходят свободно. А без света и воздуха яблоку не созреть.

Опылил Мичурин свою «китайку» чужой пыльцой и стал терпеливо ждать, что будет дальше.

Некоторые из соседей заметили, что он делает с цветами «китайки» что-то новое, необыкновенное, и опять начали к нему приставать с расспросами:

— Для чего это вы, Иван Владимирович, вольный цвет в мешочки завязали?

— Поживёте — увидите, — опять несловоохотливо ответил Мичурин, не желая раньше времени хвалиться.

К осени под марлевыми чехлами-колпачками вызрели яблочки. По виду они мало чем отличались от остальных, от тех, на которые южной пыльцы не попало. Но Мичурина это не смутило.

Он знал, что скоро сказка сказывается, а дело делается не так скоро, да ещё такое, какое он задумал.

Заботливо собрал он с деревьев «китайки» все яблочки, созревшие в марлевых чехлах-мешочках, и сберёг их семечки до новой весны.

Весной он посадил эти семечки в землю, и вот уже теперь он стал ждать нового.

Замечательные люди всегда отличаются терпением и упорством. Славен был своим терпением и Мичурин. По семь, по восемь, а то даже и по десять и по двенадцать лет, пришлось ждать ему, пока вырастут из необыкновенных семечек новые взрослые деревца!

Но вот начали зацветать деревья, выращенные Мичуриным из особенных семечек, из тех, которые семь-восемь лет тому

назад вызрели в цветочных гнёздах «китайки», опылённых южной пыльцой.

Сам не свой ходил Мичурин всё лето, после того как осыпался первый цвет с обновлённой «китайки». Он, понятно, беспокоился—получится ли то, что он хотел?

И что же! Сбылось то, что задумано было Мичуриным. На скромных, небольших деревцах «китайки» вызревали совсем не прежние яблоки, не мелкие, не кисленькие, не терпкие на вкус, а крупные, сладкие, сочные, да и видом своим не похожие на китайские яблочки.

От кандилевой пыльцы вызрели яблоки, похожие на «крымский кандиль»; продолговатые, с лёгким розовым румянцем, они были наполнены светлым душистым соком. А от шафрановой пыльцы получились тоже замечательные яблоки. Они выделялись на зелёной листве, словно огненные шары, украшенные яркими пунцовыми полосками по жёлтой, почти оранжевой кожице.

Великая победа над природой была одержана Мичуриным. Он сделал то, чего не удавалось до него сделать ни одному садоводу: он заставил скромную мелкоплодную «китайку» принести как раз такие плоды, какие задумал и наметил он, Мичурин.

Оправдала его надежды и заботу любимица его детства — садовая «золушка» — «китайка», то самое деревцо, которое ни во что ставили другие садоводы.

Но Мичурин ведь и не был простым садоводом. Он был великим русским учёным, открывшим законы, по которым человек может переделывать природу.

Е. ТРУТНЕВА

СБОР СЕМЯН

Пахнет хвоей да смолой
Старый лес дремучий.
Колокольчик удалой
Свесился над кручей.

Папоротник кружева
Разостлал в ложбинке.
Невысокая трава
Подошла к тропинке.

Ходим-бродим вдоль полян
Стёжками-путями.
Сколько есть в лесу семян —
Хоть бери горстями!

Точно крылышки стрекоз,
Лодочкой, горошком.
Мимо сосен и берёз
Ходим по дорожкам.

«Дай, берёзка, семена,
Червячки-серёжки!»
Протянулась не одна —
Сразу две ладошки.

«Ты не бойся, я беру
Очень осторожно;
Не качайся на ветру,
Не шуми тревожно!»

Наполняются мешки
Нетяжёлой ношей,
А в погожие деньки
Сбор всегда хороший.

Мы собрали семена
Леса-исполина.
Вырастайте, клён, сосна,
Липа да осина.

Далеко в стране степной
Будете расти вы,
Охранять лесной стеной
Золотые нивы!

Е. ТРУТНЕВА *Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ*

НА ЛУГУ

Бежит тропинка через луг,
Ныряет влево, вправо.
Куда ни глянь — цветы вокруг
Да по колено травы.

И колокольчик луговой
На тоненькой былинке,
Качаясь, гнётся над травой
У солнечной тропинки.
Он не звенит от ветерка,
Красуясь втихомолку.

У золотого язычка
Внутри чуть видно пчёлку.
Висит в густой траве
звонок,
А позвонить не хочет,
Мы заплетём тебя в венок,
Сиреневый цветочек.
Летит, гудит сердитый жук...
Свежей под вечер воздух.
Ромашки белые вокруг
Роятся, будто звёзды.

Л. ВОРОНКОВА

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

ГУСИ ТОЖЕ ЛЕТАТЬ УМЕЮТ

Дедушка сидел под сиренью у палисадника и тесал колья для изгородей, а Таня и Алёнка догоняли друг друга, играли в салочки на луговинке.

— Чу, — вдруг сказал дедушка и поглядел в небо, — где-то лебеди трубят.

Таня и Алёнка забыли про салочки и тоже стали глядеть в небо.

— Вижу! — закричала Таня. — Вот они прямо над лесом летят.

В это время вышли гуси со двора. Они тоже услышали далёкие лебединые голоса. Подняли головы, прислушались.

— Ой, дедушка, — сказала Таня, — как бы и наши гуси за лебедями не улетели!

— Куда им! — ответил дедушка. — Наши гуси на подъём тяжелы.

Алёнка осалила Таню и побежала. Таня хотела её догнать, но тут в открытое окно выглянула бабушка. Она сказала Тане:

— Посмотри, Танюшка, за гусями, как бы на озимь не ушли. А то они ростки поклюют, в поле плешин понаделают. Что хорошего? Народ нас не похвалит, да и самим не прибыль!

Таня взяла хворостину и побежала за гусями. А гуси медленно шли по деревне всей стаей, — гусак впереди, гусыньки за ним. Они шли да щипали молодую травку и шаг за шагом уходили всё дальше и дальше.

Таня догнала их, замахала хворостиной:

— Куда отправились? Домой идите!

Но гуси домой не хотели. Таня гнала их в одну сторону, а они поворачивали в другую. Таня гнала их к дому, а они поворачивали от дома. Тут и Алёнка подбежала к Тане на помощь; она кричала на гусей и махала на них руками. Тогда гусак вдруг высоко вытянул шею и крикнул:

— Ка-га!

Гусыньки тоже сразу вытянули шеи и откликнулись:

— Ка-га!

И тут они все подобрались, приподнялись, побежали-побежали на цыпочках, замахали белыми крыльями и взлетели над Таниной головой. Шум и свист пошёл от широких крыльев.

— Куда? — закричала Таня и подняла обе руки, будто хотела поймать гусей. — Куда вы?!

А белая стая пролетела через улицу и опустилась у скотного двора, у самого пруда.

— Сейчас я вам задам хворостиной! — сказала Таня. — Ишь ты, не слушаются!

— Мы сейчас вам зададим! — подхватила Алёнка.

И они тоже побежали на пруд.

Но когда прибежали к пруду, гуси уже плыли по воде, как белые кораблики. Они уплыли на самую середину и там плескались, и ныряли, и охорашивались. А пруд был полон воды, до самых краев.

— Вот какие! — сказала Таня. — Как на пруд захотелось, так и летать сразу научились. А дедушка говорит: на подъём тяжелы!

Аглая **КУЗНЕЦОВА**

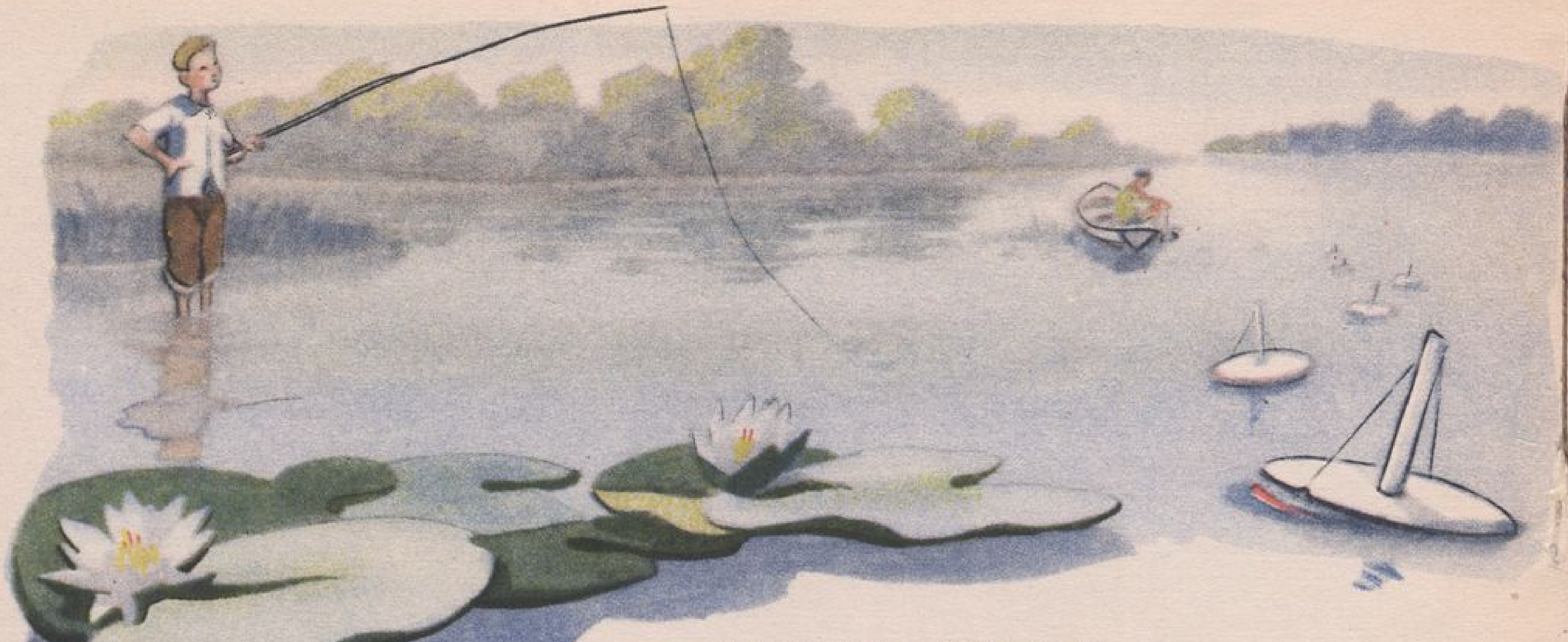
Рис. И. АРХАНГЕЛЬСКОЙ

ПОДРУЖКИ

Мы поссорились с подругой
И уселись по углам.
Очень скучно друг без друга!
Помириться нужно нам.

Я её не обижала,
Только мишку подержала,
Только с мишкой убежала
И сказала: не отдам!

Я пойду и помирюсь.
Дам ей мишку, извинюсь,
Дам ей куклу, дам трамвай
И скажу: играть давай!



А. КЛЫКОВ, А. НЕКРАСОВ

КАК ЛОВ

Уклейка — рыбёшка мелкая. Ей много ли нужно? Проглотит мушку — и сыта... Да уклеек-то — тысячи, а мушки нечасто падают в воду. Вот и торопятся рыбки.

А человек наблюдает, примечает рыбьи повадки и строит хитрые ловушки для разных рыб.

Вот стоит мальчик с удочкой, ловит уклеек. На крючок мушка насажена. Уклейка схватит мушку и сама попадёт на крючок.

Невелика добыча, а толк и от неё есть. Вон на лодке ещё рыболов. Мальчик на мушку ловит, а этот — на живца, на уклейку.

Ловит он кружками. Верх у кружка белый, а низ — красный. На кружок, как на катушку, намотана длинная леска. Она

Рис. Е. РАЧЁВА

ЯТ РЫБУ

перекинута через палочку и зацеплена там — чуть держится. На конце лески большой крючок, а на крючке за спинку уклейка насажена.

Плывёт большая хищная рыба — щука или окунь, видит — уклейка плавает. Нацелится хищник — хвать! Да сам на крючок и попал. С перепугу бросится хищник, опрокинет кружок: кружок закружится, размотается длинная леска. Хищник на дне притаится, думает: ушёл! А рыболов плывёт не спеша на лодке, видит: все кружки белые, а этот красный. Значит. перевернулся, значит, попалась, которая кусалась, есть добыча!

Окуня ещё и на червяка ловят, простой

(Продолжение на следующей странице)

удочкой, а щуку всего интереснее на блесну ловить. Щука — рыба хитрая: притаится в воде, стоит неподвижно, будто полено, чуть-чуть только подгребает перышками-плавничками.

Вот заметит щука—рыбка блеснула, кинется, вмиг зубастую пасть откроет и сглотнёт рыбку. Рыболовы это приметили и придумали: делают блестящую железку вроде рыбки, а на конце три крючка вроде якоря. Забросят блесну подальше в воду и на леске тянут не спеша. Блесна идёт под водой, колышется, блестит, как рыбка, а щука — жадная рыба, не разбирается, с налёту хвать блесну!

А сома на перемёт ловят. Сом на дне живёт и подбирает всё, что плохо лежит. Лягушку проглотит, червяком закусит, мелкую рыбку съест и куском мяса не побрезгует. А рыболовы возьмут длинную верёвку, к ней привяжут побольше крючков на коротких лесках, а на крючки и лягушек насадят, и червей, и мяса. Эта снасть называется перемёт. На ночь его улсжат на дно, а наутро, глядишь, сомище здоровенный, усатый попался, да бывает, что и не один.

А в море там уж не рыболовы, там рыбаки настоящие. Им с удочками да с блёснами заниматься некогда. Вон у них лодка какая большая, а нужно полную наловить.

Завезут рыбаки в море невод — длинную сетку. Один конец невода на берегу, а другой далеко в море, километра на два. На нижнем краю невода камешки привязаны, чтобы тонул, а на верхнем — деревянные поплавки, чтобы плавал. Невод и стоит, как стена, — ни одна рыба сквозь него не пройдёт, разве самая мелочь.

Селёдка идёт несметной стаей, упрётся в невод — дальше итти некуда. А рыбаки тот конец невода, что в море, не спеша к берегу заворачивают, окружают рыбу кольцом и трактором тянут невод к берегу. Притянут и черпают селёдку большими сачками, а то и насосом перекачивают вместе с водой прямо в лодку.

Потом рыбу в соль, потом в бочки, и по всему Союзу везут каспийскую сельдь, самую лучшую.

А то ещё частой сеткой рыбу ловят. Забросят в море сетку из тонких ниточек, она и плывёт. Рыба налетит, да и запутается в нитках. Начнёт биться — ещё хуже запутается, как муха в паутине. А рыбаки сеть перебирают, рыбу распутывают да в лодки кладут.

В частые сети больше лещ попадается, судак, тарань, — потому и зовут эту рыбу частиковой.

Есть ещё донная рыба в морях. Эту ни удочкой, ни неводом, ни сетью не возьмёшь. Уж больно глубоко она живёт — метров на триста в воде, а то и больше.

Приспособились и её добывать огромным подводным сачком. Сачок такой называется трал. А корабль, с которого ловят, — рыболовный тральщик.

Больше всего попадает в трал треска да колючий морской окунь. Бывает, палтус попадёт — огромная плоская рыбина, другой раз с простыню величиной. Тут же на корабле улов и разделывают: треску в посол, окуня в лёд, печень тресковую на рыбий жир, а головы сушат и на мельнице мелют — муку делают: кур кормить да свиней.

День и ночь, зимой и летом, в дождь и в бурю трудятся наши смелые рыбаки. Не легка их работа, да зато уловы богатые, и по всей стране у советских людей вдоволь вкусной жирной рыбы.

Ты, конечно, за столом видел всех почти рыб, а вот, наверное, не знаешь, что рыба не только к столу идёт. Тут вначале мы об уклейке говорили — рыба с виду нестоящая, в пищу она не годится. Зато у неё чешуя драгоценная. Соберут чешую с уклеек, отмоют, высушат, смешают с лаком, и получается краска «жемчужный пат». Если этим лаком стеклянные бусы покрыть, они заблестят, как жемчужинки.

Уклейка чешую нам даёт, а другие рыбы — кожу. Акула например. Мясо у неё твёрдое, никуда не годится, а кожа замечательная. Из неё и портфели можно делать, и чемоданы. У других рыб кожа и на обувь идёт.

А бывает и так: подадут тебе рыбу, а ты и не узнаешь, что это рыба. Вот ты желе, наверное, любишь, а не знаешь, что желатин, без которого никакого желе не приготовишь, — это рыбий клей. Его из рыбьих пузырей вываривают. А из костей, из хрящей, из обрезков кожи делают рыбий клей для поделок. Им и стол можно склеить, и ящичек, он на любые поделки идёт и очень ценится.

Сергей ***МИХАЛКОВ***

БЛАГОДАРНЫЙ ЗАЯЦ

Башкирская сказка

Решил отец, решила мать
На праздник в дом родню позвать:
«Пускай придут к нам на обед
Глухая бабушка и дед,
Пускай придут сестра и брат,
Пускай придут и зять и сват,
И приведут с собой детей!
Беги, сынок, зови гостей!»
Но плохо слушал Ишбулат,
Что Ишбулату говорят, —
Он пробежался по селу
И полсела позвал к столу.

И вот на праздничный обед
Пришли и бабушка, и дед,
Сестра и брат, и зять и сват,
А с ними дядька Салават,
За ним Кугуй и Юлдыбай,
И Кадыргул, и Саранбай,
И Халима, и Аминбек, —
Ну, словом, сорок человек!

Уселись гости кое-как
И тут же съели бишбармак.
За пять минут исчез пирог,
За ним исчез бараний бок.
— Как быть?—отца спросила мать.—
Что мне ещё на стол подать?
Я в дом одну родню ждала,
А в дом явилось полсела!
— Спроси сынка! — сказал отец. —
Пусть отвечает, сорванец!

А Ишбулат и сам не рад —
В лесу горюет Ишбулат,
Сидит и плачет на пеньке.
Вдруг зашуршало в тростнике,
И вышел Заяц на лужок:
— Не надо плакать, мой дружок! —
Но пуще плачет Ишбулат,
И слёзы катятся, как град.
— Не плачь!—Зайчишка повторил.—
Я знаю, что ты натворил.

Но ты зимою как-то раз
Меня от лютой смерти спас.
И я тебе не серебром,
А за добро плачу добром.
Ступай домой и слёз не лей!
Всё обойдётся, ей же ей!

Пришёл из леса Ишбулат,
А гости всё в гостях сидят.
Явившись вместе на обед,
Сидят и бабушка и дед,
Сестра и брат, и зять и сват,
А с ними дядька Салават,
За ним Кугуй и Юлдыбай,
И Кадыргул, и Саранбай,
И Халима, и Аминбек, —
Ну, словом, сорок человек.
Они сидят и молча ждут,
Что им ещё поесть дадут.

— Как быть? — отцу сказала мать.—
Нас перестанут уважать!
— Так не гуляли мы давно! —
Вздохнул отец, взглянув в окно,

И замер вдруг, открывши рот.
И тут увидел весь народ:

Из леса к дому звери шли:
Медведи в ульях мёд несли,

За ними следом волки шли —
Они баранину несли,

А там ещё лисицы шли —
Гусей и кур они несли,

А там ещё олени шли —
И в вёдрах молоко несли.

И зайцы шли, и белки шли —
Грибы и ягоды несли.

И полевые мыши шли —
Зерно в мешках они несли...

Три дня, три ночи напролёт
Шёл пир горой — гулял народ.
И я там был, и пил и ел,
И с Зайцем рядышком сидел!

Олег БЕДАРЕВ

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

ВОТ Я КАКАЯ!

— Чья это ложка валяется
в глиняном блюдце у кошки?
— Моя.
— Чья это книжка лежит
под столом без обложки?
— Моя.
— Пуговка чья закатилась
ко мне под кровать?
— Моя.
— Чья это грязная кукла
такая, что трудно узнать?
— Моя.
— Чья там тетрадка лежит
на окошке забытая?
— Моя.

— Что за девчонка
из зеркала хмуро глядит неумытая?
— Ой!
Кажется, я!
Вымою ложку,
Книжку — в обложку,
Тетрадку — на полку,
В руки — иголку,
Пуговка пришита,
Кукла умыта.

В зеркало гляну я —
Личико румяное,
Вещь никакая не брошена.
Вот я какая хорошая!

А. КАЗАНЦЕВ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

ГЕКСА

На зимовке в бухте Рубиновой у трёхлапой собаки Гексы родилось четверо щенят. Лохматые и забавные, они катались, как шерстяные шарики, и скоро стали общими любимцами зимовщиков.

Метеоролог Михаил Иванович, сам толстый и грузный, брал их с собой на площадку, где у него, как пчелиные улья, стояли будочки с приборами. Щенки бегали по площадке, заливались весёлым лаем, а вернувшись домой, сразу бежали в радиорубку.

Там, в рубке, жил Ваня-радист. Он целыми днями сидел с наушниками на голове. В наушниках что-то пищало. Ваня понимал этот писк и ровным, почти детским почерком записывал радиограммы. Когда писк замолкал, Ваня клал карандаш, доставал из ящика стола что-нибудь вкусное и угощал щенков.

К весне собаки подросли. Их начали приучать к упряжке, к далёкому пути.

Севернее бухты Рубиновой лежит в море остров Ледниковый. В прежние годы там тоже жили зимовщики. Они наблюдали погоду, и радист, вроде Вани, сидел за столом, выстукивал телеграфным ключом точки и тире и передавал всему миру по радио, какой силы и откуда дует ветер над островом Ледниковым, какую температуру показывают термометры, какие облака плывут в небе, много ли выпало снегу и много ли в море льдов.

А далеко, на Большой земле, такие сведения со всех концов собирали вместе, помечали на большой карте, и сразу становилось ясно: куда стремятся тёплые и холодные ветры, как идут льды, где над землёй стоят чёрные тучи, а где чистое небо... И капитаны больших кораблей спокойно прокладывали безопасную дорогу среди льдов, а лётчики наперёд знали, какая погода встретится на пути.

Потом пришла война. Зимовщиков с острова Ледникового пришлось снять, и на карте, там, где прежде были помечены те наблюдения, которые делали на Ледниковом, теперь каждый раз оставалось пустое место. Нужно было вновь открыть станцию. Но вокруг острова стояли непроходимые льды, и корабли второй год не могли пробиться к Ледниковому.

Обо всём этом рассказывал в кают-компании парторг зимовки Рубиновой Михаил Иванович и предлагал пешком по льдам перейти на остров Ледниковый и открыть там станцию.

На зимовке жили отважные люди. Они

уважали и любили своего парторга, но его предложение сперва показалось им слишком смелым.

— Трудное это дело, — задумчиво сказал Матвей Сергеевич: — итти по островам да по проливам. Лёд взломать может... Пурга тоже сильная бывает... Занесёт снегом — не откопаешься...

— Это всё так, — ответил Михаил Иванович, — но на то мы и советские люди, на то мы коммунисты и комсомольцы. Трудности нас не остановят. Я пойду на Ледниковый. А кто со мной?

— Что вы, Михаил Иванович! — запротестовали зимовщики. — При вашей-то комплекции? Да ведь у вас одышка!

— Ничего! — ответил Михаил Иванович, вытирая платком своё широкое румяное лицо. — Молодёжи в таком походе нужен старший товарищ. Ну, кто со мной?

* * *

И вот однажды солнечным апрельским днём зимовщики бухты Рубиновой проводили троих смельчаков.

Всё кругом сверкало ослепительно белым снегом. С высокого берега видно было, как далеко внизу растянулась маленькая цепочка: три человечка, крохотные, словно игрушечные, нарты и четыре, такие же крохотные, собаки. Зимовщики долго ещё стояли на берегу, глядя вслед отважным товарищам, потом, словно нехотя, повернулись и молча, не спеша, пошли домой.

А смельчаки шли да шли по твёрдому насту. От солнца на нём сияла яркая дорожка, как на воде, да кое-где попадались на пути вмёрзшие в лёд, как белые дома, обломки ледяных гор.

Толстый Михаил Иванович шагал впереди, налегая на лямку. За ним, дружно работая ногами, тянулись сыновья Гексы — четыре пушистых пса, рядом с ними в той же упряжке голубоглазый, веснущатый Ваня-радист, а позади, толкая нарты, длинный, тощий, неторопливый механик Матвей Сергеевич.

Он первый и заметил Гексу.

— Гляньте, трёхлапая! — крикнул он.

Михаил Иванович обернулся и добродушно закричал на Гексу тоненьким голосом. Собака присела на снег, но сейчас же вскочила и побежала дальше, прыгая на трёх ногах.

Путники остановились. Ваня, сняв рукавицы, сжал в руке колкий сыпучий снег и швырнул в Гексу. Бросил снежок и Матвей Сергеевич. Гекса отбежала подальше, села и тявкнула. Четыре пса дружно залаяли в ответ. Они нервничали, оборачивались, путали постромки. Тогда Михаил Иванович взял ружьё, лежавшее поверх нарты, и прицелился в собаку. Та продолжала сидеть, покрыв лапы пушистым хвостом. Михаил Иванович выстрелил в воздух. Гекса проворно вскочила и спряталась за льдину.

Постояв с минуту, путники двинулись дальше. Гекса не показывалась; должно быть, она вернулась, и о ней вскоре забыли.

Путь с каждым шагом становился труднее. Уставшие люди, не замечая удивительной красоты льдов, упрямо шагали вперёд, время от времени поглядывая на компас. Тяжёлые нарты скрипели полозьями, продавливая наст, и собаки, высунув языки, едва поспевали за людьми. На привале, согревая друг друга, они тесной кучкой сразу улеглись на снег и свернулись тугими комочками.

И пока Михаил Иванович ставил палатку, пока хозяйственный Матвей Сергеевич, едва сгибая длинные ноги, разжигал примус, Ваня, поборов усталость, раскинул походную станцию и связался с бухтой Рубиновой.

«Всё в порядке», — передал он и получил в ответ: «Счастливого пути!»

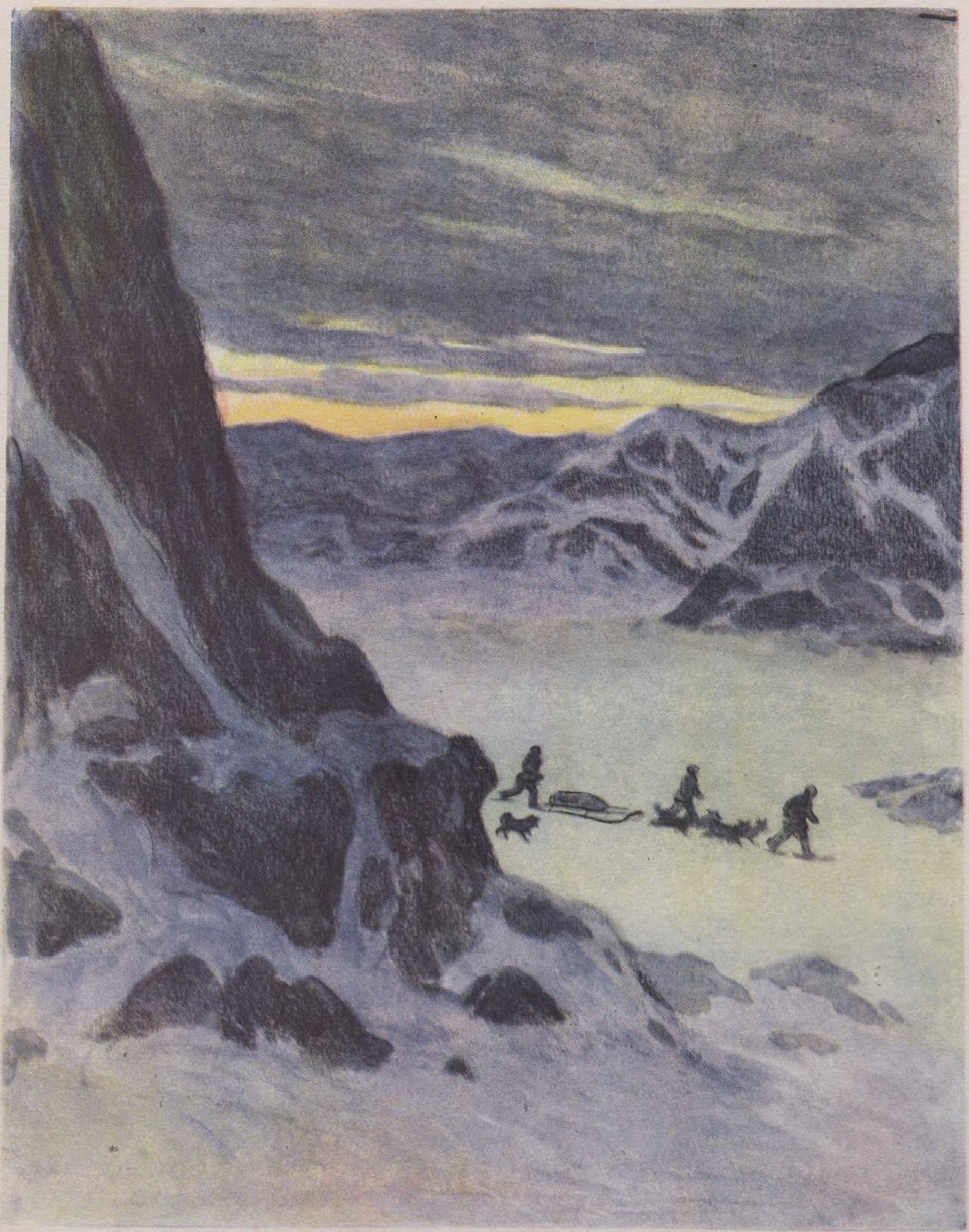
Потом покормили собак, закусили сами в тёплой палатке, а когда вышли оттуда, увидели Гексу. Она как ни в чём не бывало сидела на снегу, покрыв лапы пушистым хвостом.

Михаил Иванович улыбнулся, махнул рукой.

— Пусть, — сказал он и кинул Гексе сушёную рыбку.

Так прошло несколько дней, и вдруг сразу задул встречный ветер; низкие тучи закрыли небо; холодный, твёрдый, как крупа, снег бил в лицо, резал щёки, залеплял глаза.

Гекса села на снег и завыла, словно уговаривая остановиться. Михаил Ивано-



вич посмотрел на неё и приказал ставить палатку. И как раз во-время: не прошло и часа, как палатка превратилась в сугроб, а ещё два часа спустя её уже так заравняло снегом, что никто бы и не нашёл пристанища смелых путников. Не нашёл бы никто и собак — тех давно с головой засыпало снегом, и они спали в снежных норках, согревая себя своим дыханием.

Двое суток провели путники в снежном сугробе. За это время переговорили, передумали многое. Михаил Иванович и Матвей Сергеевич вспоминали войну...

— А там, на Ледниковом, не побывали немцы? — спросил Ваня.

— Могли побывать, — отозвался механик. — Тогда придётся обратно итти. Если немцы там были, значит и дом и склады сожжены...

И Ваня представил себе весь этот долгий и трудный путь. Неужели придётся снова шагать по холодному насту? Ване стало страшно от этой мысли, и, чтобы подбодрить себя, он сказал:

— Я не боюсь, я просто так... — и надел наушники. В тот же день он узнал по радио, что пурга кончается.

Прокопали в снегу ход, погрузили нарты, запрягли отдохнувших собак и тронулись дальше. Теперь уже немного осталось итти, и от этого путь казался легче.

Вдруг Ваня почувствовал, что его тянет назад. Он обернулся и увидел, как, медленно оседая, тяжёлые сани уходят под лёд.

— Рация! — закричал он и бросился к нартам.

Лёд тихонько трещал, вода широким пятном выступала из-под снега; собаки, скользя и срываясь, изо всех сил пытались вытянуть упряжку.

— Ложись! — пронзительно крикнул Михаил Иванович и, бросившись на снег, на животе пополз к нартам. — Режь постромки!

— Рация, рация! — твердил Ваня в ответ и, подобравшись ползком к полынье, двумя руками схватил свою рацию.

Матвей Сергеевич подполз к Ване сзади и осторожно стал тянуть его за ноги. Собаки, выбившись из сил, были уже на краю полыньи, и подоспевший Михаил Иванович едва успел перерезать постромки. Собаки выскочили на снег, люди отошли от опасного места и огляделись.

Из всего груза осталась одна рация. Ни продовольствия, ни ружья, ни примуса!.. Нечем было даже согреться. Единственное спасение было теперь в том, чтобы итти вперёд не останавливаясь, потому что дойти назад до Рубиновой — это они знали — всё равно нехватит сил. До Ледникового было 50 километров пути, до Рубиновой — 200!

И они пошли вперёд. Они шли, согреваясь в движении, падая от усталости, поднимая друг друга... И снова падали и снова шли, не желая сдаваться, не позволяя себе даже короткого отдыха, потому что знали, что отдых для них — это смерть, а умереть, не сделав дела, они не имели права.

И вот, наконец, они вступили на голые скалы острова Ледникового. Осталось только подняться по куполу ледника, а там ждали их заслуженный отдых, тепло, пища...

Но и силы были на исходе. Голодные, изнурённые люди едва брели, шатаясь, падая и поднимаясь вновь. Ване часто казалось, что вот ещё один шаг — и всё... он уже не сможет подняться, и так хорошо будет неподвижно лежать на мягком снегу... Но он каждый раз отгонял от себя эти мысли и даже нашёл в себе силы послать в Рубиновую радиотелеграмму: «Поднимаемся на остров Ледниковый».

Радостная весть пронеслась по всей советской Арктике. Путники живы, близки к цели!

И никто не знал, что в глазах у них стояли жёлтые круги, и в ушах шумело так, словно рядом бушевало море. Никто не знал, что они уже не шли, а медленно ползли на четвереньках, оставляя на снегу следы крови, сочившейся из пораненных жёстким настом рук.

Но они упорно, метр за метром ползли вперёд и вот, наконец, увидели мачту бывшей радиостанции. Она стояла одна, высоко поднимаясь над сверкающим снегом, и кругом, сколько ни смотрели усталые путники, нигде не было видно ни складов, ни домиков.

Все трое опустились на снег, не признаваясь друг другу в том, что они уже больше не встанут. Легли на снег и собаки.

Только Гекса, ковыляя на трёх ногах, подползла прямо к мачте и яростно стала рыть снег возле неё.

— Смотрите, трёхлапая... — прохрипел Матвей Сергеевич и замолчал, опустив голову на руки.

А Гекса не унималась. Она во все стороны разбрасывала слежавшийся снег. Потом остановилась, подняла голову и громко залаяла, точно звала людей на помощь.

Михаил Иванович медленно пополз к собаке. Матвей Сергеевич и Ваня, часто останавливаясь, чтобы набраться сил, ползли за ним, не зная, зачем это нужно.

Наконец Михаил Иванович добрался до мачты и стал вместе с Гексой руками разрывать снег. Скоро там, под снегом, он нащупал конёк крыши!

Дом был тут, он не сгорел. Просто снегом так занесло постройки, что и крыш не стало видно. И когда люди отчаялись, собака почуяла дом.

Михаил Иванович, держась за притолоку двери, первым вошёл в помещение откопанного склада. Прямо перед ним висел жирный окорок. Михаил Иванович отхватил от него ножом сочный кусок и бросил Гексе...

В тот же вечер Ваня дал радиограмму в Рубиновую:

«Станция острова Ледникового будет работать!»

З. ТЕЛЕСИН

ЧЕРВЯЧОК

Забрался в грушу червячок,
Проделав ход украдкой.
Но в груше
Слишком сладко.

Потом прокрался в сливу он,
Что на сучке повисла.
Но в сливе
Слишком кисло.

Залез тут в редьку червячок,
В ней пробуравив норку.
Но в редьке
Слишком горько.

В орех забрался он тогда.
Но там, как всем известно,
Темно
И слишком тесно.

Вполз на гороховый стручок,
И тут приюта нету:
Тут слишком много
Свету.

Свернулся он в тени листка,
Но всё ж спастись не сможет, —
Отыщут дети червяка —
И уничтожат.

Перевод Т. Спендиаровой

На обложке рисунок В. Щеглова.

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. Губер

Год издания двадцать шестой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06. Подписано к печати 29/VI 1949 г. А07710. Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л. Тираж 117 000 экз. Заказ 1074.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

7803

А. КАРДАШОВА *Рис. И. БЕК*

ЗАГАДКИ НА ГРЯДКЕ

В разгаре солнечное лето.
Земля на грядках
разогрета...
— Люблю тепло и яркий
свет, —
Соседке говорит сосед. —
Под солнцем так приятно
зреть,
На тёплой грядке лёжа,
Не даст мне от жары
сгореть
Пупырчатая кожа.
А как же ты в земле
живёшь?
И тесно там, и сыро.
— Нет, для меня мой
дом хорош,
Отличная квартира.
Мой светлокрасный
корешок
Пьёт из земли чудесный
сок,
Земля черна,
Земля жирна,
В жару прохладная она.
Соседка третья говорит:
— Нет, жить в земле
обидно!
Ну, как иметь хороший
вид,
Когда тебя не видно?
Вот я, взгляните, какова,
Люблю я одеваться.
Ну, что мне платье или
два, —
Ношу я десять, двадцать ..
Друзья, ответьте на вопрос:
Кто на соседних грядках
рос?

6 АВГ 1949